

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ДЕНЕГ: ВВЕДЕНИЕ

«Ремесленников и кузнецов боялись из-за того, что они занимались преобразованием материальных субстанций; торговцев боялись из-за того, что они занимались преобразованием такого неосязаемого качества, как ценность. Насколько же сильнее люди должны бояться банкира, совершающего преобразования с помощью самого абстрактного и бестелесного из всех экономических институтов?!» (Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М., 1992, с. 179)

Постановка проблемы. Сфера денег и денежных отношений получила достаточно сильное распространение и развитие, проникнув в настоящее время даже в те области деятельности людей, которые лишь косвенно соприкасаются с этим феноменальным материалом. Поэтому любой человек, а тем более экономист-теоретик, так или иначе, в явной или неявной формах определяет свое отношение к деньгам. «Узкие» специалисты по деньгам, стремясь получить гносеологические преимущества за счет сужения своей аналитической сферы деятельности, наталкиваются на парадокс, который можно назвать «парадоксом специализированной пустоты». К нему пришла неоклассическая школа, принявшая на вооружение методологию позитивизма и функционального анализа. А именно ее идеи и инструменты прикладного аналитического и практического свойства приняты на вооружение финансово-банковскими системами постсоциалистических государств. В результате почти во всех учебных пособиях по экономической теории (экономикс) и выстроенных на базе их постулатов расширенных книгах по деньгам последние получают определения, не несущие никакой смысловой нагрузки. Например, при всех отличиях, которые существуют в многочисленных книгах по экономической теории, принятые на вооружение вузами, специалистами банков и пр., деньгами предлагают считать то, что признают люди в качестве платежного средства [1]. «Деньги, – пишет П. Самуэльсон, – это искусственная социальная условность» [2]. Мы не будем формулировать многочисленные вопросы после прочтения данных и других подобного рода определений, но зафиксируем наше наблюдение, касающееся имеющихся теоретических подходов к деньгам. Оно в некотором роде по-своему отражает количественную теорию денег, поскольку, чем большим количеством денег распоряжается одно лицо или их группа, тем настоятельнее диктуется расширение и углубление аналитического подхода к ним с привлечением далеко не экономических и тем более «не денежных» инструментов, факторов и условий. Иначе говоря, наша идея состоит в том, чтобы, во-первых, вернуть «экономическую теорию»¹ в

¹ Термин «экономическая теория», отражающая предмет современной экономической науки, на наш взгляд, является неудачным, поскольку нет физической, химической теории и пр. По сути такая «наука» с таким названием существует только на постсоветском пространстве.

русло действительной науки о человеке, его мотивации, поведении, производственных отношениях и связях, институтах, влияющих на выбор индивида и фирмы. Во-вторых, зафиксировать то место денег, которое они реально заслуживают в рамках предмета науки об экономике с ее законами-тенденциями 21 века. В-третьих, отразить в феномене денег свойства, с которых начинается, например, инфляция, другие негативные социально-экономические последствия, равно как и выделить адекватные действенные инструменты, их регулирующие и устраняющие. Речь идет о *доминирующих* характеристиках, которые в определенный исторический период времени придают или избирательно наделяют какие-то элементы человеческой деятельности *денежными свойствами, признаками, функциями*. В-четвертых, обратить внимание, какое воздействие или последствия (накопление, стимулы, динамику, развитие и пр.) имеет сам *механизм* транзакционных операций, *процедура сбережений, работа сберегательно-кредитных институтов*, их информационное обеспечение и все то, что определяет *источник и конечное выбытие* денег с оборота воспроизводства.

Современная мир-система, теория и деньги: контуры изменяющегося содержания. Современная экономика, представляя собой сложную, динамичную, нелинейную и дискретную *систему*, обострившую имеющиеся противоречия до принципиальных качественных *изменений*, уже не вписывается в имеющийся теоретико-методологический и инструментальный контекст мейнстрима экономической науки с его теорией денег. Самый глубокий институциональный конфликт² на практике проявляется в *цивилизационном* (А. Тойнби, З. Бжезинский, В. Иноземцев) *общем* (Дж. Сорос, И. Ставински), *глобальном* (Э. Кочетов, Ю. Осипов) кризисе и выходе на постэкономическую траекторию развития со всеми вытекающими отсюда проблемами. Одна из них лежит в плоскости столкновения интересов *денежной экономики* и ее доминирующей спекулятивной нормы поведения с *нравственно-этическими и моральными* ценностями человека. «Превращение предпринимателя в спекулянта, – писал Кейнс, – это удар капитализму, ибо он разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов... Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им» [3]. Сегодня всего лишь 2 % всех транзакционных операций сопровождаются движением реальных товарных ценностей, услуг обслуживающих реальные потребности человека. Остальное же приходится на спекулятивные операции с ликвидным материалом, позволяющим с *нарастающим* риском для его *собственников* и еще *большим риском для общества*, позволяющему банковско-финансовому сектору извлекать

² Институциональный конфликт представляет собой определенной «силы» противоречие между различного рода институтами: формальными и неформальными, политическими и экономическими, общественными и внутрифирменными, нормами регламентации предприятия и мотивами поведения человека.

валютную *ренту*. Но, по сути, это *транзакционные издержки*, которые несут все собственники, а иногда и держатели денег и которые, следовательно, должны вычитаться из ВВП. Однако транзакционные издержки, о которых уже много говорят, не могут существовать без транзакционных доходов. Вот эти доходы как раз и присваиваются инициаторами различного рода финансовых операций. Кроме этого информационно-компьютерные технологии создали условия для «игры» за *глобальную ренту*. Повторяющиеся финансовые кризисы являются своеобразной формой, лишь *временно разрешающей* институциональные конфликты, *кризисы*, возникающие вследствие функционирования нынешней спекулятивной стратегии финансового сектора.

Парадокс для молодых стран, наметивших курс на изменение прежней, «социалистической» системы заключается в том, что по многим *практическим и теоретическим* соображениям их финансово–денежные системы не могут *самостоятельно* участвовать в жесткой «игре» за глобальную ренту без риска не только потерять «свои» капиталы, но и усугубить сложившиеся условия по подрыву национального суверенитета своих стран. Сейчас денежный капитал почти всех переходных экономик попал в *трансформационную ловушку*. С одной стороны, деньги и их деривативы, неся в себе известное противоречие *общественного норматива* регламентации *экономических и социальных ценностей* под воздействием международных финансовых институтов требуют участия в мировой «финансовой игре». Здесь кто начинает эту «игру», тот и выигрывает. А начинает сильнейший³, *провоцируя* очередной кризис, для извлечения *финансовой ренты*, защищаемой международными институтами и созданной ими информационной системой. С другой – банки и другие финансовые учреждения стран вступают в противоречие со своими национальными *политическими интересами* и структурами. Здесь результаты взаимоотношений могут быть самыми разными, поскольку зависят от многих переменных. Наконец, профессиональная деятельность банковской системы вошла в противостояние с тем, кто ее породил – реальным сектором экономики, человеком. В результате даже ограниченные денежные ресурсы в поисках своего «фроста» не могут найти кредитополучателя, поскольку хозяйственные интересы последнего не совпадают с *нормами* и требованиями банков. Эти и другие конфликты пока неразрешимы в рамках существующей теории денег.

Поэтому следующий наш тезис заключается в том, чтобы зафиксировать, прежде всего, явную неполноту существующих теорий такого феномена как деньги. Перманентные финансовые дефолты и экономические кризисы, а также факт того, ни один финансовый

³ Этот сильнейший, как правило, в современных условиях как раз-таки и неизвестен и невидим, что создает состояние неопределенности и непредсказуемости ситуации. Например, сейчас самые «сильные специалисты по деньгам» предлагают сохранять свои сбережения минимум в трех видах валют.

кризис не был предсказан, с очевидностью убеждают о наличии в этой сфере «интеллектуальных заблуждений». Это связано, во-первых, с реально изменившимися политико-экономическими условиями хозяйственной деятельности в мире, странах, вынужденной реакции на эти и *технологические изменения фирм, индивидов*. Во-вторых, адекватная теория денег может быть выстроена лишь в рамках общей науки о современной экономике – *новой политической экономии*, а не наоборот, как это настойчиво делается сегодня, осуществляя в некоторой степени успешную пока попытку узурпировать денежными оценками и мотивацией все социально экономические отношения. Однако, к сожалению, денежные катаклизмы никак не обеспечивают большого прогресса в экономической теории и реально встал крайне серьезный вопрос о стратегии развития мир-системы и ее отдельных хозяйственных единиц в реальной хозяйственной жизни. В-третьих, *деньги имеют смысл*, когда их *наделяют этим смыслом люди*, в последующем руководствуясь этими установками в своих больших и малых целях. Речь идет о более *сложной структуре человеческих ценностей, их приоритетов, мотивов и норм поведения, а также их институциональных рамках*, ограничений, механизма влияния на политико-экономические процессы. В-четвертых, работа финансово-банковских институтов, оказывая огромное влияние на спрос и предложение того, что выбрали и называют сегодня денежным материалом, норму процента, цены на товары, в конечном итоге уровне жизни, на наш взгляд, сегодня *в рамках существующей денежной парадигмы* исчерпала свое влияние на воспроизводство в целом, на развитие. Но, по сути, нет никаких обобщений, которые бы в рамках комплексной и сбалансированной экономической политики обеспечили объяснение сбалансированной реализации интересов хозяйственной системы в целом, сектора производства, банковской сферы, интересов вкладчиков. Этот противоречивый парадокс пока не разрешимых интересов наблюдается даже в том, что банковскую систему, например, Республики Беларусь, представляют как двухуровневую систему коммерческих банков и НБ. Но ведь банковскую систему преимущественно, примерно 5/6, составляют вкладчики, которые никак не входят в элемент формально классифицируемой системы. Поэтому в том числе и здесь следует искать ответ на вопрос, а почему лишь 10.9% опрошенных предпочитают хранить деньги в банках, чтобы сохранить их реальную стоимость [4].

Деньги как институт. Поэтому тезис следующий. Институциональная составляющая в современных условиях неопределенности, нарушения международного экономического порядка и спекулятивной стратегии является определяющей при объяснении природы денег экономики начала XXI века. На хрестоматийном уровне можно толковать о товарном или нетоварном характере денег, используя металлическую или же номиналистическую теории. Это даже будет отвечать истине. Но лишь *в некоторой степени*, поскольку срез

экономических отношений современной экономики достаточно сложен, обширен и многообразен. При всей своей общности свойств, которыми обладают деньги (социально-экономическая нормативность, функциональность), ограниченная воспроизводимость, универсальная полезность (ценность), на каждом значимом историческом отрезке некоторые из них приобретают доминирующую для этого периода характеристику. 98% транзакций, приходящихся на денежно-финансовые операции, свидетельствуют о спекулятивном свойстве современных денег. В то же время известные и еще неизвестные виды денег, агрегаты, как их называют макроэкономисты, указывают на имеющийся и возникающий приоритет ценностей человека, ориентирующих последнего в своих мотивах, действиях, поступках (хороших или дурных). Интересно то, что в Ветхом Завете золото упоминается 415 раз, отражая тем самым *разные склонности человека*: от благодетели и послушания до стяжательства и корыстолюбия.

Банковско-финансовые институты (формальные) не только обеспечивают своими схемами и механизмами реализацию имеющихся склонностей (неформальных институтов), а и создают их, вовлекая индивида огромными чужими активами в спекулятивные сделки и обрекая на проигрыш по совокупности. Парадоксально то, что так возникла «экономика», названная «денежной» с серьезными попытками обеспечить ей теоретическое сопровождение. В этой части подчеркнем, что «теория» здесь необходима лишь для того, чтобы через *сформированный «научный» образ мышления* побудить человека действовать по «теоретической» схеме, но которой уже подготовлена новая, обеспечивающая крупные выигрыши начавшим «финансовую игру». Ведь без массового игрока на финансовом рынке, правила которой задаются не только и не столько правовыми рамками, а именно «финансовой теорией», функционирование этих «рынков» не имеет смысла. В последующем воплощенная эта теория, ставшая доступной, может служить лишь гимнастикой ума, чтобы создать «свою» схему, предложив ее крупнейшим держателям денежных активов. Еще один парадокс, с которым смирились как с неизбежным, это использование в финансовых проделках «чужой» собственности по сути общественной для перераспределения богатства в частные руки, частное владение. Областью экономической деятельности кроме труда и других ее атрибутов выступила страсть игрока, имеющего мотивацию быстрой наживы без создания какой-то потребительской услуги, блага для других людей. А ведь именно данная *норма сложного утилитаризма*⁴ лежала в основе тех рыночных постулатов, которые были изложены А. Смитом и были приняты обществом в качестве основополагающих. Этот в некотором смысле упрощенный образ мышления, а именно эта является главная

⁴ Сложный утилитаризм от простого отличается оправданием реализации эгоистического экономического интереса – присвоение максимизации полезности, дохода – за счет производства соответствующего блага или услуги, удовлетворяющими потребности других людей при ценах равновесия, справедливых ценах.

характеристика института, отражал технический уровень и интересы существующих на тот период классов и социальных групп. Можно вспомнить в связи с этим учение Смита о производительном и непроизводительном труде как центральной проблеме трудовой теории стоимости. Если же принять во внимание размер транзакционных операций на финансовых рынках, многократно опережающих сделки на товарных рынках и рынках услуг, то вывод о сформированной *антиэкономике* с ее огромным «пузырем» фиктивного капитала напрашивается сам собою.

Неизбежность инфляции, дефицитность госбюджета и универсальность нормы процента в регулировании денежного равновесия – вот три *мифа*, прочно вошедшие в теорию, сознание и практическую деятельность, нарушив устойчивость экономического, а, следовательно, и человеческого развития. А вместе с тем данные явления нуждаются в серьезном пересмотре, поскольку, являясь сильнейшими инструментами экономической политики, обеспечивают реализацию интересов держателей фиктивного капитала, а не производителей в любом их сочетании с собственниками ресурсов. Следовательно, в *современных деньгах кроме спекулятивных свойств отражается значимость и ценность энергоресурсов, интересы их собственников, контролеров, а также явные и неявные интересы международных институтов, формирующих нынешнюю глобальную политику* во всех ее направлениях. В денежном мире воплощены как инстинкты человека, так и его нравственно-этические мотивы, социальные и политические нормы, рамки и правила. Худшие времена в политико-экономическом плане заставляют обращаться к товарным активам (хлебу, земле, домам), золоту. Благоприятная обстановка способствует росту доверия граждан между собою, к правительству, Центробанкам, другим формальным институтам, бумажным деньгам, их производным. Виды платежных средств становятся *общепризнанными*, если они *устраняют неопределенность в принятии решения* для индивида в сопоставлении существующими официальными утверждениями и заверениями по сохранению собственности. Таким образом, деньги – это *институт*, в конкретно-исторический период мотивирующий и регламентирующий поведение граждан, социальных групп, власти, а также обеспечивающий в определенной форме целесообразное с точки зрения ликвидности сохранение собственности, жизненных ресурсов для достижения своих краткосрочных и долгосрочных интересов, целей.

Подход к деньгам как институту меняет многие ориентиры к пониманию, как глобальных политико-экономических процессов, так и содержанию национальных политик, проблеме распределения доходов включая распределение глобальной ренты, взаимоотношений между различными социальными слоями и классами, позволяет более или менее верно выстроить стратегию действительно устойчивого развития, при котором

очевидна реальная значимость в социально-экономическом развитии банков и их слуг, служащих и пр. Снимается в определенной мере таинство товарно-денежного фетишизма, о котором писал не только К. Маркс, но и Ф. Хайек, но которого не могут преодолеть современные экономисты.

Определение денег как института позволяет понять *природу валютной ренты*, являющейся всего лишь следствием монополии банков на специфический актив, создаваемый не банками, а самим обществом, включая информационно-психологическое влияние последнего на индивида, его мораль, этику поведения. Новые нормы мотивации почти всегда *порождали* и свои приоритеты в отношении выбора того, что называют ликвидным материалом, классифицируемого известными агрегатами M1, M2, M3 и пр. Дж. Сорос в одной из своих работ отмечал: «...Финансовая гипотеза не должна быть истиной для того, чтобы быть прибыльной, достаточно, чтобы она стала общепринятой. Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго... Деньги узурпировали роль подлинных ценностей» [5].

Еще более важный гносеологический эффект проявляется в объяснении *природы процента*. Ведь практически все проблемы в теории неоклассиков объясняются через ставку процента. Однако данная теория не пытается высказаться относительно природы процента: а что это за явление и что за ним скрывается. Новый смысл, зафиксированный в современных деньгах, позволяет процент определить как плату за реальное или возможное институциональное не равновесие. Ситуация последнего дает возможность не только перераспределять часть национального богатства через движение, обмен ликвидных материалов, но и извлекать *институциональную ренту*, имеющую проявления доступа к власти, изменению социальной структуры и пр. Таким образом, институциональная доминанта современных денег изменяет фокус буквально ко всей сложившейся мир-системе.

Литература

1. Мэнкью Н. Г. Принципы экономики. СПб., 1999. С. 587.
2. Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. С. 64.
3. Кейнс Д.М. Трактат о денежной реформе // Избранные произведения. М., 1993, с. 100.
4. «Обозреватель», 17 декабря 2004, с. 7.
5. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999, с. 24, 101.

Лемещенко П.С., заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, канд. экон. наук, доц., Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь; (8-017) 222 36 01; 222 35 93; д. 231 96 64; e-mail: caftiec@bsu.by

...В конце Еще больший глобальный риск

Узурпация деньгами шкалы человеческих ценностей

Финансовый кризис – это всего лишь форма со странными объяснениями причин
смене Одна из причин такого

Конфликты на поверхности

Глубинные ...

Отдельный банковский работник....Банкиры не могут не руководствоваться утилитарным денежным мотивом,... Но банковская система в целом, реализуя свой прагматизм несомненно должна понимать правильную общую стратегию развития всей экономики в целом. Сегодня, поскольку границы экономик национальных размыты, денежные сферы могут переходить от одной «зоны» влияния к другой. Но рано или поздно ее утилитарно-денежный эгоизм обеспечит кризис, который можно назвать институционально-денежным кризисом.

Похожую идею позже высказывал Дж. Кейнс, считавший, что взгляды деловых людей обыкновенно представляют собой смесь из идей усопших экономистов. В конце концов сфера сознания воплощается в материальном мире, творит этот материальный мир.

Можно обратить внимание на название известной работы Кейнса "Общая теория занятости, процента и денег" /подч. - П.Л./, в которой он преодолевает бытовавшую на тот период классическую дихотомию о нейтральности денег. О том, что деньги - это институт по определению, свидетельствует возникшая вместе с ними новая утилитарная норма поведения людей, ориентирующая на интенсивное накопление богатства в весьма феноменальных денежно-стоимостных формах, которые стали поддерживаться и закрепляться политико-правовой средой. "Новые" деньги и их формы имеют не совсем традиционные функции, которые опосредованы меняющейся мотивацией, установками политико-экономических агентов.

Финансовый капитал отражает совсем иную стадию развития рыночного хозяйства, поскольку, в утилитаристскую модель поведения хозяйствующего субъекта встраивается спекулятивная компонента, изменяющая критерии и сам механизм регуляции социально-экономических отношений.

Финансовый капитал можно сравнить со второй производной (матем., деньги - первая) от того первоначального понятия "экономика", которое вкладывал в него Аристотель. Финансовый капитал с его навязывающей спекулятивной логикой поведения остальным элементам хозяйства усиливает источник нестабильности и кризисов[3, 50].

Общим результатом проведения политики финансового фундаментализма явилась виртуальная экономика. Мир финансов стал практически самостоятельным автономным космосом, утратившим прямую зависимость от физической экономической реальности. Возникновение мистифицированной финансовой неэкономике связано с фатальным кризисом бреттон-вудской системы, который совпал с развитием информационных

технологий, обеспечившим в свою очередь использование новых масштабных финансовых инструментов. К концу XX века на планете уже сформировалось самостоятельное номинальное поле разнообразных валютно-финансовых операций с фантом деньгами, обусловивших противоречивое столкновение этой квазиэкономики с экономикой реального сектора.